

Концепция циклического времени в произведениях

Е.И. Замятина, А.П. Платонова и М.М. Пришвина

Ирина Попова*

Доцент, Мичуринский государственный аграрный университет.
Мичуринск, Россия.

(дата получения: май 2015 г.; дата принятия: июль 2015 г.)

Краткое содержание

В статье рассматривается идея цикличности существования мира. Получает обоснование мысль о том, что философы и литераторы с древнейших времен и до современности затрагивали вопрос прерывания обычного хода событий элементами деструктуризации общества (наступление хаоса). Автором была предпринята попытка доказать, что на конкретных примерах из жизни государств и отдельных социальных процессов, происходящих в обществе, русские писатели пытались дать рецепты предотвращения наступления очередной эры хаоса. Е.И. Замятин, А.П. Платонов, М.М. Пришвин предложили рассматривать развитие Вселенной и социума по единым законам и построили модели этого постулата в виде художественных образов, утвердили в форме публицистических эссе, философских работ и дневниковых записей. Модели эти философски и художественно очень убедительны, порокой тому несомненный талант и связанная с ним поразительная сверхчувствительность творцов,

Ключевые слова: Замятин, Платонов, Пришвин, художественный образ, философия, цикличность, хаос.

* E-mail: nickpopov2011@yandex.ru

Введение

Идею цикличности истории выдвинули античные философы Платон и Аристотель, а придал данной теории завершённую форму стоик Полибий в знаменитом труде «История в сорока книгах» (Полибий 1988. 403).

В целом для Полибия был характерен государственный взгляд на происходящие события, согласно которому он рассматривает историю как последовательную (предопределённую судьбой или роком) смену форм правления в рамках полного цикла: царство, тирания, аристократия, олигархия, демократия, охлократия – царство. У греческого мыслителя функцию хаоса исполняют негативные формы правления (тирания, охлократия, олигархия), приходящие на смену их позитивным антиподам, когда монархия, власть аристократии или демократия «портятся» под влиянием людских пороков и, прежде всего, из-за упадка, наступающего вследствие ненадлежащего исполнения основной миссии элиты – заботы об устойчивости государства и о благе подданных. Охлократию или «власть толпы» Полибий считал наихудшей из форм правления, когда «водворяется господство силы, а собирающаяся вокруг вождя («демагога») толпа совершает убийства, изгнания, переделы земли, пока не одичает совершенно и снова не обретет себе властителя и самодержца» (Полибий 1988. 394).

Совершая ритуальное убийство Кроноса, манихеи и коммунисты, как носители дуалистического религиозного сознания, полагали достаточным насильственное уничтожение зла. Данный процесс вел к непрерывному поиску врагов среди людей и к стремлению их уничтожить, чтобы зло также было уничтожено вместе с ними. В этом смысле данное учение является прямым предшественником современного западного гностического мессианского движения, именуемого глобализмом или либерализмом. Правда, очаги охлократического хаоса глобалисты пока подавляют в своих странах, но поощряют их возникновение в государствах с неустойчивыми политическими системами или проблемами в экономике. Но, к сожалению, вместо ярких личностей в роли коллективного демагога выступают либеральные средства

массовой информации, однако и в данном случае провозглашается «конец истории» как «торжество монопольного мира» или вечного правления «града на холме», которым считается Вашингтон. В отличие от греческих стоиков русские писатели (Е.И. Замятин, А.П. Платонов, М.М. Пришвин) полагали, что историей или субъективным временем человечества руководит не слепая судьба, а государственное творчество множества людей, объединенных именем «народ».

Основная часть

Во вступительном слове к исторической драме «Огни св. Доминика» (1920) Евгений Иванович Замятин строит интересную историософскую гипотезу о рождении и угасании идей, подобных животному организму: в муках они явились на свет – в муках и уходят, только вначале мучают адептов новой религии, а затем последователи этих страстотерпцев истязают своих противников. На плаху или костер восходит новая религия или новая идея, которая страдает, пока «молода», и приносит бедствия и муки перед самым своим «концом». Палачество есть признак агонии идеологии и, напротив, страдания есть признак зарождения нового мира. Справедливости ради следует признать, что несколькими десятилетиями ранее русский философ Константин Леонтьев сделал предположение о конечности развития народов и периодах их существования. Вероятно, именно у него Замятин почерпнул тот отрезок времени, который упоминается во «вступлении»: двенадцать веков.

При всей замятинской поэтизации в этой гипотезе вполне отчетливо видны собственные, а не отраженные (чужие) взгляды писателя на бытие человечества. Во-первых, Е.И. Замятин определяет внешние признаки начала и завершения развития цивилизации (а не только народа, этноса). Для него этими признаками являются страдания людей, воплотившиеся в форму исторического эксцесса. Писатель вполне ясно понимает, что в той или иной мере человек страдал всегда, но в отдельные моменты истории страдания количественно и качественно превышают некоторую критическую черту и

воспринимаются людьми уже не как частный случай, а как событие с отрицательным знаком – эксцесс. Именно нарушение установившегося общественного порядка является законом изменения ценностных ориентиров данной цивилизации, что, в конечном счете, приводит к смене одних народов другими. Во-вторых. Замятин наблюдает и художественно воплощает корреляцию признаков угасания цивилизации со вторым законом термодинамики. В дряхлеющей идее он замечает признаки энтропии, описанные в физике. Эта же мысль ясно выражена в романе «Мы» (Запись 28-я. Конспект: Обе. Энтропия и энергия. Непрозрачная часть тела).

В-третьих, готовность адептов новой идеи к страданию, по Замятину, есть главный признак грядущей победы возникающего учения «вновь родившегося» народа. Страдания – нечто вроде «наведенной индукции», энергетический посыл «извне», благодаря которому получает инерцию развития новая цивилизация или идея. В свете подобного предположения получают новое мифологическое звучание и некоторые художественные произведения Замятина, в частности, повесть «Наводнение» (1929), справедливо названная «космогонической» (Желтова 1999. 45).

Космогоничность здесь и в образе наводнения, характерного для мировой литературы, начиная с описания Потопа, и особенно в зашифрованной мифе о страданиях Великой Матери, рождающей в муках жизнь человека нового общества, народа. При этом рождении боль, смерть, предательство – закономерные события, а не случайные флуктуации сознания людей. Мученичество, а равно и палачество, есть следствие энтропийного процесса, завершение которого описано в повести Замятина «Уездное» (1912). Жизнь маленького городка – это цивилизация в миниатюре, царство дремучего обывателя, защищающего свое благополучие любыми средствами. Если внимательно присмотреться, то инквизиторы из «Огней св. Доминика» и «хранители» из романа «Мы» – это те же обыватели, стремящиеся замедлить ход истории доступными им методами. В методах, в возможностях их применения, заключен двойной смысл: действия энтропийной идеи зеркально по-

вторяют ее же собственную историю и своеобразно защищают эту историю от энергичного чужеродного вторжения, они охранительны по сути и одновременно обнаруживают чрезвычайную слабость власти. Террор, согласно Замятину, – признак слабости, а не силы. Действительно, сильный на слово ответит убедительным словом, на мечту – более яркой мечтой. Слабый же за слово и мечту воздаст пыткой и смертью. Иных доводов у него нет.

У народившейся идеи есть и сила, и страдание, но нет одного – истории. Она побеждает не только благодаря готовности своих адептов к смерти, но и потому, что прежняя история закончилась, ослабла, прошла отмеренный срок. Е.И. Замятин – автор гипотезы о цикличности социальных процессов – очень убедителен в художественных произведениях, но при анализе реальной истории, например, истории альбигойцев, его поэтика только скользит по «поверхности» событийного ряда, не затрагивая глубинных причин «первой инквизиции», поэтому кажется, что художник «побеждает» историка или историософа. Нет ли в его выводах преувеличения? За ответом обратимся к творчеству еще одного знатока проблемы разрушения старого строя – А.П. Платонову.

Как отмечает в своей работе А.М. Шестерина (Шестерина 1999. 234), в произведениях Платонова начала тридцатых годов произошли существенные перемены. Для того, чтобы понять их смысл, нужно проанализировать систему платоновских героев, включая и описание писателем человеческих коллективов.

Персонажей в книгах Платонова, как заметили исследователи, не просто много, а очень много, например, в романе «Чевенгур» – более двухсот семидесяти, но они не сливаются в толпу, а обладают собственной индивидуальностью. Отмечено, что в первый период творчества Платонова мысли, чаяния, мечты, да и просто физические действия героев его книг разнонаправлены, более того, векторы – доминанты их судеб – имеют такие причудливые пути, которые могли быть рождены только мощной фантазией А.П. Платонова, обусловленной ирреальной реальностью тех лет. Его герои

устремлены в битву, в котлован (к центру Земли), в подсознание, в смерть, в светлое будущее, к могиле Розы Люксембург, в странствие без цели, во тьму, в неделание, в лихорадочное бесцельное действие, в беспричинную радость. Сочетание этих векторов в судьбах героев настолько своеобразно, что описать их взаимодействие можно, употребив только платоновскую же излюбленную метафору, сравнив систему его образов с паровозом, точнее, с состоянием перегретого пара в котле. Люди и их судьбы в творчестве писателя в двадцатые годы представляют собой как бы молекулы, находящиеся в хаотичном броуновском движении. Перед нами – некая паровая машина, обладающая внутренней энергией, но, что очень важно, фактически не совершающая никакой полезной работы. Социум, описанный Платоновым, переживает тот же самый классический энтропийный процесс. Смерть и муки людей являются, по сути, взаимной аннигиляцией противоположно заряженных частиц, а не злодейством. Платонов вводит своих героев не куда-нибудь, а в античную космологию, которая в общих чертах совпадает с современной физической картиной рождения мира. Согласно древнегреческим мифам, начальной стадией Вселенной был хаос, причем хаотичная квазисистема характеризовалась не отсутствием энергии, а отсутствием движения в едином направлении, поскольку еще нет времени, нет истории.

В творчестве Платонова тридцатых годов, начиная с повести «Джан» (1931), личностная ориентация деятельности людей получает единое и осмысленное направление благодаря обретению исторической памяти. Платоновский паровоз поставлен на рельсы истории, появилось движение: из прошлого в будущее. Соответствует ли это античной Космогонии? До деталей! Хаос там сменяется упорядоченным космосом после рождения Кроноса – времени. Платонов выстраивает и иерархию постижения времени людьми. Вначале это их собственная жизнь, например, странствия, обретшие определенную исходную точку и внятную цель. Затем, согласно иерархии, следует семья как выражение личностно-исторической памяти (пути от предков к потомкам), далее – история народа и человечества. Итак, в двадцатых годах в

творчестве Платонова господствует поэзия хаоса, а в тридцатых – поэзия упорядоченного космоса, то есть ощущение хода времени как движение от прошлого к будущему.

Формированию идеального образа такого будущего, где возможна гармония между различными сословиями на основе единой (религиозной) нравственности, посвящены произведения Ф.М. Достоевского. Однако Достоевский, обладая сверхчувствительностью, свойственной русским гениальным писателям, ощущал приближение хаоса и пытался разбудить разум образованной публики с помощью сильных чувств. Если в романе «Преступление и наказание» (1866) и более ранних его работах доминирующей эмоцией являлась жалость, то «Идиот» (1868), «Братья Карамазовы» (1880) и особенно «Бесы» (1872) воздействуют уже на чувство самосохранения высших и средних сословий страны, утративших ощущение единства с Родиной и религиозную мораль.

Практически одновременно с консервативной проповедью и охранительными произведениями Ф.М. Достоевского рождается русский анархизм – политическое течение, отрицающее государство. Автор анархического учения князь П.А. Кропоткин (Кропоткин 1990. 518) также был сторонником идеи линейно-циклического развития социальных систем, однако причиной краха и распада цивилизаций он считал именно государство, препятствующее всеобщей солидарности и взаимопомощи людей. Из философии князя Кропоткина родились современные представления о гражданском обществе. Правда, мятежный князь черпал свои представления о бесклассовом обществе из наблюдений за русской крестьянской общиной, казавшейся ему неким идеалом общественного устройства. Однако П.А. Кропоткин, как крупный помещик, увидел только внешнюю, возможно лучшую, сторону взаимоотношений внутри крестьянского общества, а затем, уже в многолетней эмиграции, сохранил в душе идеальный образ, придав ему законченный политический смысл, утверждая, что в хаосе безгосударственной жизни есть своеобразная гармония.

Убежденным противником государства был и великий русский писатель Л.Н. Толстой, так же очарованный внешней привлекательной стороной крестьянского самоуправления (Толстой 1992. 234). Граф Толстой, также наблюдавший за жизнью народа из окон своей барской усадьбы, отрицал государственные институты по той же причине, что и Кропоткин. Они оба ненавидели насилие, особенно государственное, и полагали народную нравственность, солидарность или богобоязненность достаточными преградами на пути хаоса.

Писатели «серебряного века» русской литературы, вынужденные жить в эпоху безвременья, не возвращали народнические иллюзии, а просто сами стали народом и в полной мере разделили все его традиции и невзгоды.

Следует особо подчеркнуть, что охлократические идеи, ведущие к безвременью и хаосу, присущи не только эгалитаристским уравнилельным негативным политическим движениям. Хотя представители современного либерализма подчеркивают свою буржуазность, то есть относят партийную принадлежность к числу так называемых «правых», однако по отношению к государству они являются явными последователями ортодоксального марксизма в варианте IV (троцкистского) интернационала. Правда, вместо пролетариата, на роль «передового класса» адепты либерального глобализма выдвигают так называемого «потребителя» или «рядового потребителя», который является по факту деклассированными социальными элементами, не осознающими и не желающими осознавать не только принадлежность к какому – либо классу, но и религиозную, социальную и даже половую ориентацию личности. Подобные люмпен-потребители являются удобным материалом для политических игр и прежде всего, для попыток утверждения идеи о ложном «конце времени», изображенном в финале трагедии И.В. Гете «Фауст», где слепой ученый, обманутый демоном, останавливал «прекрасное мгновение» на краю могилы, вырытой лемурами по приказу Мефистофеля (Гете 1987. 511).

Существуют, впрочем, русские литературные источники, описывающие

состояние хаоса, охватившего вполне консервативную аристократическую и даже монархическую социальную среду. Во время Гражданской войны в России, по воле случая несколько выдающихся русских писателей оказались на территории, занятой противниками большевиков: белогвардейцами, радикальными националистами и интервентами. Состояние хаоса там было еще более безнадежным, чем при большевистском правлении. Так М.А. Булгаков в романе «Белая гвардия» (1924) рассказывает о череде кровавых переворотов, происходивших в городе Киеве в великом и страшном 1918 году. По сравнению с директорией, петлюровщиной и гетманщиной, приход красноармейских полков показан у него как символ утверждения государственного порядка и стабильности.

Аналогичные идеи мы находим и в булгаковской пьесе «Бег» (1927), которую А. Кораблев назвал «...пьесой испытаний, булгаковским вариантом “Хождений по мукам”» (Кораблев 1988. 39). Однако наибольший хаос царил в Сибири, когда белогвардейские колчаковские войска осуществляли массовое устрашение населения с помощью террора. Именно этим событиям посвящен первый роман о Гражданской войне, написанный в 1922 году бывшим колчаковским офицером В.М. Зазубриным. Даже М.М. Пришвин, человек далекий от политики и войны, успел почувствовать «дыхание хаоса» (Пришвин 1990. 159), когда город Елец, в котором он проживал, захватили войска белого генерала Мамонтова. Арест писателя закончился бы трагически, так как был устроен самосуд и он был приговорен к расстрелу. Только заступничество земляков спасло Пришвину жизнь.

По нашему мнению, подобные катастрофические эксцессы могли происходить, в частности, и по причине субъективной «игры со временем». Коммунисты действительно хотели остановить историю, но в отдаленном будущем, после победы мировой революции и воцарения «царства справедливости», т.е., собственно, коммунизма. Их противники – белогвардейцы пытались повернуть время вспять, то есть вернуться из 1920 в июль 1913, когда не было войны и революции. Осуществить подобное деяние,

пожалуй, не смогли бы даже высшие силы, а для людей подобная задача тем более является совершенно непосильной и неразрешимой нигде, кроме воображения художника.

Многие писатели, не смирившись с новой властью, эмигрировали, произведения, написанные на чужбине, как правило, посвящали прошлому: изображали идеальный образ России, которую они потеряли. И.С. Шмелев возродил в памяти старую Москву в романе «Лето господне» (1848), написанном в Париже. И.А. Бунин «блуждал» в «Темных аллеях» (1938) ушедшего счастья и любви, создавая своих персонажей из безвозвратно погибшего дворянского сословия.

Эмигранты мечтали о возвращении к дореволюционной жизни, когда они были счастливы. Однако подобная ностальгия, ставшая политической платформой и философией «возврата во времени», привела не только к многочисленным жертвам послереволюционной смуты, но и к трагедии предательства во время Второй мировой войны. Желание вернуть «старое время» и было поводом для мести всему русскому народу – участь эмигрантов, не смирившихся со своим положением. Мечь привела бывших белогвардейцев на службу германским нацистам и породила, например, чудовищное явление – пятнадцатый кавалерийский (казачий) корпус СС, ставший одним из самых жестоких карательных воинских соединений фашистов.

Про представителей дореволюционной элиты российского общества можно сказать тоже, что говорили про французских Бурбонов во времена Реставрации: «Они ничего не забыли и ничему не научились» (Тимирязев 1938. 181). Попытки насилия над субъективным временем приводили к смутам во многих странах, а не только в России. Западание литераторы после И.В. Гете так же пытались анализировать попытки остановки субъективного времени, однако даже самые талантливые из них, кроме, пожалуй, Дж. Оруэлла, не были склонны к обобщениям и их апокалипсическая фантазия ограничивалась описанием злоключений отдельных ницшеанских личностей, заключивших сделку с «нечистой силой».

В борьбе с подобными искушениями немецкий ученый-чернокнижник доктор Фауст и британский аристократ Дориан Грей оказались значительно более слабыми, чем гоголевский персонаж ученик богословия (Бурсак), пьяница и греховодник Хома Брут. Представители современной западной элиты тратят огромные средства ради своих попыток остановить субъективное личное время, то есть остаться молодыми и здоровыми до глубокой старости. Это увлечение косметической медициной выглядит вполне безобидным чудачеством до тех пор, пока ностальгия ницшеанского «сверхчеловека», вспоминающего, например, про колониальное величие и про «бремя белых» не становится политической платформой и не обретает военную силу и поддержку власти, способную эту силу применить для «поддержки демократии», точнее для создания локального очага хаоса и безвременья в упорядоченных государственных структурах. Однако, как доказывает история и русская литература, подобные эксцессы, собрав кровавые жертвы, непременно заканчиваются и простые люди возрождают космос исторического времени.

Можно предположить, что народ противостоит хаосу, опираясь, подобно гоголевскому Хоме Бруту, на здравый смысл, традиционные религиозные чувства и, как следствие, презрительное отношение ко всем адептам негативных сил, в какие бы «демократические одежды» они не рядились. Действительно, традиционные религиозно-нравственные чувства зачастую являются единственной и самой сильной преградой для сил разрушения. Пусть простые люди не могут сформулировать и выразить в философских трактах свои ощущения, но именно пониманию и описанию народных чувств посвящались лучшие произведения русских писателей, несмотря на то, что творческий метод в данном случае мог быть различным.

А.П. Платонов и Е.И. Замятин в своих антиутопиях рассматривали хаос и космос человечества отстраненно, как бы издалека. М.М. Пришвин погружался в бытие простых людей и создавал социологические очерки современного ему общества, отражая в дневниках и художественных

произведениях реальные события и характер народа, ввергнутого в состояние хаоса, стремящегося вырваться из тисков безвременья и обрести историю, т.е. надежду на будущее.

Заключение

Е.И. Замятин, и А.П. Платонов неопровержимо доказали, что у хаоса тоже может быть поэзия, если это состояние материи рассматривать не как крах Вселенной, а как «родовую горячку» новой цивилизации из новеллы «Наводнения» (1929). Паровой котел, даже и не совершающий полезной работы, может стать объектом поэтизации только в одном случае: если люди возле него греются. Это тепло, которое распространяют «бестолковые» герои Платонова и «жертвенные» люди Замятина – высокий и пронзительный накал человеческой жалости, который окружает читателя плотным ореолом. Конечно, это не единственное чувство, испытываемое при чтении их книг, но чувство доминантное, подчиняющее сознание людей помимо их воли. «Видимые миру слезы» – результат и смысл поэзии хаоса, поэзия же космоса, как ни странно это выглядит, не столь чиста и проникновенна, поскольку победа новой жизни парадоксально вмещает страх смерти, страх утраты обретенного равновесия. Именно в эмоциональной области, в поэзии лежат исторические открытия Платонова и Замятина, обладающих сверхчувствительностью художников, которая позволяет преодолеть инерцию предрассудков погибшей цивилизации и увидеть грядущее в кровавом побоище, происходящем вокруг. Само отношение персонажей к смерти есть главный признак – маркер, по которому можно определить преобразование хаоса в космос. В состоянии вневременья смерти как бы нет, есть смена состояния материи или аннигиляция. Для героев ранних произведений Платонова бессмысленно, например, понятие ранней (безвременной!) смерти ребенка. Оппозиция «раньше» – «позже» в энтропийном процессе отсутствует.

Мир в описании Замятина не несет столь яркого маркера, поэтому он походит на иной, не менее древний космогонический миф, только индуистский, о

ведической триаде, где «главный бог» – Брахма – спит, и во время его сна Вселенная «портится». Брахма просыпается, уничтожает прежний мир и на его месте создает новый. Конечно, замятинская космогония напоминает индуистскую тройственность лишь отчасти, например, у него Вишну и Шива – создатель и разрушитель – через двенадцать веков меняются местами.

Поскольку мы рассматриваем проблему глобальной космогонии революционной России, нельзя не упомянуть в ряду писателей, отдавших дань историософскому анализу современности, М.М. Пришвина, который предложил собственную, линейно-циклическую модель времени. При гипотетическом наложении линейно-циклического (мерцающего) ритма на материю возникает аналогия еще с одним, древним и очень экзотическим философским учением – "дао", где Вселенная то сжимается в точку, то расширяется до бесконечности, а время следует по пути дао, подобно колеснице.

Из всего этого разнообразия вопросов космогонии можно сделать вывод о том, что художественное осмысление бытия у писателей отражает не только традиции древних мифов, но и состояние современной науки, поскольку как раз в это же время, в двадцатых годах, русский ученый А.А. Фридман и американец Э.Хаббл математически и экспериментально доказали постулат о расширяющейся Вселенной в теории «большого взрыва». Древние знания поразительно совпали с современными открытиями реликтового излучения и красного смещения, но в социальных системах до сих пор считаются основными теории линейного прогресса или линейного регресса со всеми частными модификациями, вроде восходящей спирали или теории «вызова и ответа». Однако три писателя – Замятин, Платонов, Пришвин и философ Леонтьев – предложили рассматривать развитие Вселенной и социума по единым законам и построили модели этого постулата в виде художественных образов, утвердили в форме публицистических эссе, философских работ и дневниковых записей. Модели эти философски и художественно очень убедительны, порукой тому несомненный талант и связанная с ним поразительная сверхчувствительность творцов, позволившая им мысленно

проникнуть в сокровенные глубины бытия человека, социума и даже Вселенной. Все они едины в понимании глубоко языческих основ революции, которая стала расплатой за русское «двоеверие», языческой реакцией, рождением нового Хроноса в христианской стране, цивилизационным сломом, последовавшим за энтропийным процессом в России, случился меньше века назад – исторически ничтожный отрезок времени, этому большинство людей, из-за аберрации близости, не могут оценить сил направленность изменений общества после социального «большого взрыва». Видны только частности, а для глобального анализа общества так не хватает новых Платонова, Замятина, Пришвина. Возможно, нам следу пойти по более простому пути, экстраполировав их историософию на время начала третьего тысячелетия. И этот путь, освещенный гением их творчества, будет достойным и плодотворным.

Литература

- Гете И.В. (1987). *Фауст*. М., Изд-во «Художественная литература», 519 с.
- Желтова Н.Ю. (1999). *Проза Е.И. Замятина: поэтика русского национального характера*. Тамбов, Изд-во «ТГУ им. Г.Р. Державина», 374 с.
- Зазубрин В.М. (2006). *Два мира: Красные и белые*. М., Изд-во «Астрель», 458 с.
- Кораблев А. А. (1988). *Время и вечность в пьесах М.А. Булгакова // Михаил Булгаков-драматург и художественная культура его времени*. М., Изд-во «Союз театральных деятелей РСФСР», С. 39-56.
- Кропоткин П.А. (1990). *Хлеб и воля. Современная наука и анархия*. М., Изд-во «Слово», 518 с.
- Маркс К. (1974). *Сочинения в 42 т. Т. 1*. М., Изд-во «Правда», 276 с.
- Полибий (1988). *Избранное*. М., Изд-во «Юридическая литература», 1988. 486 с.
- Пришвин М.М. (1990). *Дневник 1932 г., 7 января // Октябрь*. № 1. С. 156-178.
- Тимирязев К.А. (1938). *Сочинения в 5 т. Т. 2*. М., Изд-во «Сельхозгиз», 235 с.
- Толстой Л.Н. (1992). *Царство Божие внутри нас. Не убий // Избранные философские произведения*. М., Изд-во «Правда», 416 с.
- Шестерина А.М. (1999). *Художник в режиме обострения: процесс трансформации системы героев А.П. Платонова и литературные журналы 1930-х годов*. Тамбов, Изд-во «ТГУ им. Р.Г. Державина», 341 с.

Bibliography

- Gete I.V. (1987). Faust. M., Izd-vo «Khudozhestvennaya literature», 519 p.
- Zheltova N.Yu. (1999). Proza E.I. Zamyatina: poetika russkogo natsional'nogo kharaktera. Tambov, Izd-vo «TGU imeni G.R. Derzhavina», 374 p.
- Zazubrin V.M. (2006). Dva mira: Krasnye i belye. M., Izd-vo «Astrel'», 458 p.
- Korablev A.A. (1988). Vremya i vechnost' v p'yesakh M. A. Bulgakova // Mikhail Bulgakov-dramaturg i khudozhestvennaya kul'tura ego vremeni. – M., Izd-vo «Soyuz teatral'nykh deyatel'ey RSFSR», P. 39-56.
- Kropotkin P.A. (1990). Khleb i volya. Sovremennaya nauka i anarkhiya. M., Izd-vo «Slovo», 518 p.
- Marks K. (1974). Sochineniya v 42 t. T. 1. M., Izd-vo «Pravda», 276 p.
- Polibiy (1988). Izbrannoe. M., Izd-vo «Yuridicheskaya literatura», 486 p.
- Prishvin M.M. (1990). Dnevnik 1932 g., 7 yanvarya // Oktyabr'. № 1. P. 156-157.
- Timiryazev K.A. (1938). Sochineniya v 5 t. T. 2. M., Izd-vo «Selhozgiz», 235 p.
- Tolstoy L.N. (1992). Tsarstvo Bozhie vnutri nas. Ne ubiy // Izbrannyye filosofskie proizvedeniya. M., Izd-vo «Pravda», 416 p.
- Shesterina A.M. (1999). Khudozhnik v rezhime obstoyatel'stv: protsess transformatsii sistemy geroev A.P. Platonova i literaturnye zhurnaly 1930-kh godov. Tambov, Izd-vo «TGU imeni G.R. Derzhavina», 341 p.

پروہشگاہ علوم انسانی و مطالعات فرہنگی
پرتال جامع علوم انسانی

مفهوم زمان سیسلیک در آثار ی. ای. زامیاتین، آ. پ. پلاتونوف

و ام. ام. پریشوین

ایرینا پاپووا*

دانشیار دانشگاه دولتی کشاورزی میچورینسک.

میچورینسک، روسیه.

(تاریخ دریافت: مه 2015؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه 2015)

مقاله حاضر به بررسی پدیده سیسلیک بودن وجود جهان می‌پردازد. فلاسفه و ادیبان از زمان‌های باستان تا به امروز به مسئله انقطاع جریان معمول حوادث و اتفاقات با عناصر تخریب‌گر جامعه (فرارسیدن هرج و مرج) پرداخته‌اند. نگارنده در این پژوهش کوشیده است ثابت کند که نویسندگان روسی سعی می‌کردند بر اساس نمونه مشخصی از شیوه حکومت‌ها و فرآیندهای اجتماعی که در جامعه رخ می‌دهد، نسخه‌ها و راه‌کارهایی جهت جلوگیری از حاکم شدن دوباره عهد هرج و مرج ارائه دهند. زامیاتین، پلاتونوف و پریشوین، بررسی فرآیند رشد و پیشرفت جهان و جامعه بشری را بر اساس قوانین واحد پیشنهاد کردند، مدل‌های این فرضیه را به شکل نمونه‌ها و تصاویر ادبی و هنری ساختند و در مقاله‌های مطبوعاتی، رساله‌های فلسفی و یادداشت‌های روزانه به اثبات و توجیه آن‌ها پرداختند. این مدل‌ها به لحاظ فلسفی، ادبی و هنری بسیار به جا و متقاعدکننده به نظر می‌رسند؛ استعداد شگرف و حساسیت تحیر برانگیز آفرینندگان این آثار تضمین‌کننده این امر است.

واژگان کلیدی: زامیاتین، پلاتونوف، پریشوین، سیمای ادبی و هنری، فلسفه، پدیده سیسلیک بودن، هرج و مرج.

* E-mail: nickpopov2011@yandex.ru